

8. Gunko A., Stepkin V., Kondratyeva S. Cave temples in the Don region, Russia and Ukraine // Proceedings of International Congress of Speleology in Artificial Caves Hypogea 2017, Cappadocia, Turkey, 6/10 March 2017. Cappadocia, 2017. P. 468–474.

9. Пашкин Е.М. Инженерно-геологическое обследование состояния Калачеевской пещеры: Техническое заключение. М., 1998. Рукопись. Хранитель – адм. Калачеевского района Воронежской области.

10. РГИА. Ф. 834. Оп. 3. Д. 4036–а. 1840 г.

11. Степкин В.В. Материальная и духовная культура пещерокопателя донской лесостепи конца XVIII в. (по материалам закрытого комплекса Белогорского монастыря) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2014. № 3. С. 118–122.

12. Степкин В.В. Феномен пещерокопательства на Среднем Дону в XXI веке. Новая Костомаровская пещера // Восточноевропейские древности: сборник научных трудов. Воронеж: ИПЦ «Научная книга», 2012. С. 250–255.

13. Степкин В.В. Рисунки-граффити Белогорского пещерного комплекса // Археология Центрального Черноземья и сопредельных территорий: тез. докл. науч. конф. Липецк, 1999. С. 206–212.

14. Степкин В.В. Мигулинские пещеры // Донская археология. 2001. № 3–4 (12–13). С. 159–165.

15. Никольский П.В. Монашество на Дону в XIX веке. Очерк 1. Пещерокопательство в XIX в. // Воронежская старина. Вып. 9. Воронеж: Издание Воронежского церковного историко-археологического комитета, 1910. С. 149–181.

16. Креховский Н. Белогорские пещеры. Воронеж: Типография В.И. Исаева, 1878. 90 с.

17. Веселовский Г.М. Город Острогожск (Воронежской губернии) и его уезд. Воронеж: Типография Губернского Правления, 1867. 220 с.

18. Степкин В.В., Гунько А.А. Белогорский пещерный комплекс: морфометрия и социальный аспект // Спелеология и спелестология: сб. мат-лов IV междунар. науч. заоч. конф. Набережные Челны: НИСПТР, 2013. С. 277–290.

19. Строительно-монтажные работы. Нормы, расценки, правила / сост. Л.Ф. Гайдар, П.М. Косенко. Киев: «Будівельник», 1983. 576 с.

20. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 210. Разрядный приказ, столбцы Белгородского стола. Д. 921. 1676 г.

21. Степкин В.В. Пещеры в урочище Шатрище на Среднем Дону в XIX в. по материалам РГИА // Спелеология и спелестология: сборник материалов VIII междунар. науч. конф. Набережные Челны: НГПУ, 2017. С. 306–308.

CULT CAVES BUILDING ON THE TERRITORY OF EUROPEAN RUSSIA

© 2018

Stepkin Vitaly Victorovich, candidate of historical sciences, history teacher
Pavlovskaya Secondary School (Pavlovsk, Voronezh Region, Russian Federation)

Abstract. The paper deals with cult caves building on the territory of European Russia. The author draws attention to the fact that the process primarily depended on the nature of rock formation where the caves were constructed. In a softer and loose ground the walls and the ceiling were strengthened by armour stone or bricks after taking up the rocks. There was no need in additional fastening of hard rocky ground. The waling was done according to the beds and rock jointing. An adze, a spade, a crowbar as well as other metal tools were used. Construction works proceeded both during the daytime and at night. The space was lighted with candles. The work was organized by the community formed during the cave construction with an active support of the local population. Drawings and plans of venerated underground holy places in Christian pilgrimage centres could be used for construction works. In case of making the cave construction official a professional architect could be invited, the example of it could be Belogorskaya cave which is the longest one in Russia. Intensity of work depended on the age and gender characteristics of the employed and official authorities.

Keywords: cult caves; cave digging; work effort; trade tools; folk Orthodoxy; Russian Orthodox Church; Uryupinskaya Cave; Ust-Medveditskaya Cave; Tsaritsynskaya Cave; Alekseyevskaya Cave; Belogorskaya Cave; Gorokhovskaya Cave; Kostomarovskaya Cave; Kalacheyevskaya Cave; Kholkovskaya Cave; Migulinskaya Cave; Selyavinskaya Cave; Verkhne-Aktubinskaya Cave; Peskovskaya Cave; Shatrishcegorskaya Cave.

УДК 94 (47).08

DOI 10.24411/2309-4370-2018-14215

Статья поступила в редакцию 09.06.2018

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И ФОРМИРОВАНИЕ КАЗАХСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ НА ТЕРРИТОРИИ ОРЕНБУРГСКОГО КРАЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

© 2018

Любичанковский Сергей Валентинович, доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой истории России

Оренбургский государственный педагогический университет (г. Оренбург, Российская Федерация)

Аннотация. В статье проанализированы изменения, произошедшие во второй половине XIX века на территории Оренбургского края в отношении системы образования в казахской среде. Показана роль этих изменений как для реализации имперской политики аккультурации, так и для формирования казахской интеллигенции. Автор рассмотрел процесс формирования казахской интеллигенции на территории Оренбургского края как результат вестернизации части казахского этноса под влиянием русско-светского просвещения и Самарский научный вестник. 2018. Т. 7, № 4 (25)

народного образования в указанном регионе. Сделан вывод о том, что с созданием при управлении Казанского учебного округа Особого комитета по инородческому образованию (1866 г.) Империя взяла курс на русификацию, которую можно трактовать как ограничение культурной самобытности этнического региона и активизацию использования русского языка, литературы, православия. Основной упор был сделан именно на образование. Имперские власти проводили в жизнь идею о том, что единое и стабильное многонациональное государство возможно только при наличии прочной идеологической базы, в основе которой – русифицированная система народного образования. В итоге постепенно в позднеимперской России сложилась концепция расширения «инородческого» образования через самих же просвещенных «инородцев». Постепенно стала формироваться прослойка, состоящая из казахов, которые, участвуя в деле образования и просвещения, были опорой правительству, приобщали представителей казахского этноса к расширению сети школ, были сами просветителями и учителями. Процесс создания школ для «инородцев» подспудно вел к появлению казахской интеллигенции, что в дальнейшем обострило национальное казахское движение внутри Российской империи.

Ключевые слова: Оренбургский край; Российская империя; казахи; интеллигенция; инородцы; русско-инородческие школы; региональная администрация; национальная политика; образовательная политика; просвещение; пореформенная Россия; позднеимперская Россия; вестернизация; идеология; русификация.

История формирования казахской интеллигенции на территории Оренбургского края является важнейшей частью социально-культурной истории Российской империи. К интеллигенции мы относим общественную группу, представляющую из себя общность взаимодействующих друг с другом людей, занятых в сфере интеллектуального труда, обладающих высокими этико-нравственными характеристиками и ставящих перед собой задачу осмысления и формирования ценностно-ориентированной основы общественной деятельности. Этот слой людей профессионально занимается умственным, преимущественно сложным творческим трудом, развитием и распространением культуры. В конце XIX века, по данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года, в структуре работоспособного населения России интеллигенция составила 2,7% [1, с. 44–45].

Процесс формирования казахской интеллигенции на территории Оренбургского края мы склонны рассматривать как результат вестернизации части казахского этноса под влиянием русско-светского просвещения и народного образования в указанном регионе.

Под регионом в статье подразумевается Оренбургский край в границах существования во второй половине XIX века, а также территория Тургайской Уральской областей, административно также подчинявшихся Оренбургу. В этом районе наиболее активно шел процесс становления системы «инородческого» образования, способствующий формированию низшего слоя казахской интеллигенции.

Население Тургайской области на 1900 г. составляло 461 000 человек, из них кочевников (казахов) – 420 292 [2, с. 178]. Область делилась на четыре уезда: Кустанайский, Актюбинский, Иргизский, Тургайский.

Уральская область занимала северо-западную часть Казахстана и состояла из четырех уездов: Уральского, Абишенского, Темирского и Гурьевского. Площадь области – 284 412 кв. верст, 65,4% площади было заселено казахами. По переписи 1897 г. в Уральской области насчитывалось 460 173 казаха [3, с. 2].

Тургайская и Уральские области входили в состав Оренбургского учебного округа, который был образован в 1875 г. Данные области были тесно связаны с Оренбургом по военной и гражданской линиям. До 1881 г. они подчинялись Оренбургскому генерал-губернаторству.

Вхождение столь обширных территорий в имперское пространство диктовало необходимость выработки такого правительственного курса, который со-

действовал их интеграции в указанное пространство. У современных исследователей существуют различные подходы к оценке действий правительства по отношению к «инородцам». По мнению М.В. Стуровой, имперская политика опиралась на «философско-мировоззренческие установки европейской просветительской мысли, определившие ее цивилизаторскую и культутрегерскую направленность» [4, с. 3]. Другой автор – Ю.А. Лысенко – считает, что все то, что предпринимала российская власть в отношении казахов, определялось интеграционной составляющей, которая преследовала цель инкорпорировать казахов в имперское общество [5, с. 259]. Ю.В. Зевако подчеркивал, что Империя, не посягая на быт «инородцев», при этом не прекращала попыток путем просвещения населения привести его к «цивилизованной» жизни [6, с. 117].

Если анализировать государственные документы, на которых строилась образовательная политика, то мы можем сказать о том, что объективно в них не содержалось ограничений по этническому и религиозному принципу. По «Положению об управлении областей Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской» оседлые и кочевые жители областей пользовались правами сельских обывателей (ст. 11), то есть были уравниены с крестьянами всей России [7]. Но еще в «Уставе гимназий и училищ уездных и приходских, состоящих в ведомстве университетов Петербургского, Московского, Казанского и Харьковского» от 8 декабря 1828 г. и в циркуляре МНП от 9 августа 1861 г. было закреплено правило о том, что в приходские училища могли быть допущены дети всех состояний и обоего пола, причем всех исповеданий [8, с. 89].

Во «Временном положении 1868 г. об управлении Уральской, Акмолинской и Семипалатинской областей» рекомендовалось устраивать при уездном правлении школу для всех народностей, проживающих в данной местности [8, с. 76].

В 1864 г. были изданы «Устав гимназий и прогимназий» и «Положение о народных училищах». Эти документы были направлены на введение доступного всесословного образования путем организации приходских училищ земских, церковно-приходских, воскресных и частных школ. Подчеркивалось: «без различия вероисповедания». В гимназии принимали детей всех сословий, способных оплатить обучение [9, с. 20].

Однако данная установка не решала проблему образования «инородцев». С созданием при управлении Казанского учебного округа Особого комитета

по инородческому образованию (1866 г.) можно говорить о том, что империя взяла курс на русификацию, которую можно трактовать как ограничение культурной самобытности этнического региона и активизацию использования русского языка, литературы, православия. Основной упор был сделан именно на образование. Имперские власти не сомневались в том, что единое и стабильное многонациональное государство возможно только при наличии прочной идеологической базы, в основе которой – русифицированная система народного образования.

Возглавил работу Особого комитета неординарный мыслитель, миссионер, востоковед, педагог Н.И. Ильминский. Комитет выработал «Правила о мерах к образованию населяющих Россию инородцев». Они были утверждены в марте 1870 г. Основной идеей выступил следующий тезис: «Конечной целью образования всех инородцев, живущих в пределах нашего отечества, бесспорно, должно быть обрусение их и слияние с русским народом» [10, с. 176]. В основе указанной программы лежала т.н. «система Ильминского».

Н.И. Ильминский, разрабатывая свою систему, почерпнул много ценного из опыта, который был им приобретен в Оренбургском крае. Ему была близка и понятна инициатива Оренбургского генерал-губернатора Н.А. Крыжановского о необходимости подчинения имевшихся в крае русско-национальных школ и мектебе Министерству просвещения (1867 г.). Мыслитель вынес твердое убеждение: 1) казахских детей необходимо учить на казахском, а не на татарском языке; 2) «первоначальные школы для киргизов должны быть особые от русских, ... киргизята, не зная русского языка, не могут учиться с русскими вместе»; 3) открытию «киргизских школ» должна предшествовать подготовка правильных учеников [11, с. 158–164].

Н.И. Ильминский настаивал на том, что «конечная цель киргизских и башкирских школ должна быть общественная и отчасти политическая» [11, с. 162]. Русский алфавит просветитель считал достаточно удобным для первоначального обучения грамоте, поскольку он «более удобен для научения» и способен выразить оттенки и особенности фонетики киргизского языка. Н.И. Ильминский был уверен, что киргизский (казахский) язык был достоин того, чтобы стать самостоятельным языком [11, с. 173].

Основными подходами, общими для школ нерусских народов, были следующие: совместное обучение русских и детей «инородцев» (как видим, предусматривались и коррективы, как в вопросах обучения «киргизят»); знания учителем и русского, и «инородческого» языка; обучение на русском языке, но использование родного языка для устных объяснений [12, с. 21].

Организация инородческих школ для казахов попадала под вариант школ для «детей инородцев, весьма мало обрусевших и почти не знающих русского языка» [4, с. 36]. Учебный процесс там предусматривался на казахском языке. Русский язык вводился постепенно и поэтапно. Этому должно было способствовать использование учебных пособий на казахском языке, но русскими буквами. Дети вначале усваивали разговорный русский язык, а затем – русскую грамоту.

В «Правилах» предусматривалось включение мусульманской образовательной системы в общеперскую для того, чтобы не создавать напряженности во взаимоотношениях с коренным этносом.

Представители мусульман опасались, что их дети будут насильно отвлечены от ислама.

«Правила» указывали на необходимость того, чтобы учителя знали «татарский язык», в штате начальных и сельских училищ предусматривалась должность «законоучителя мусульманской веры» и почетного блюстителя из представителей местного населения. Сошлемся на публикацию в «Тургайской газете». В ней с ссылкой на такие документы, как «Предложение Министерства Народного Просвещения попечителю С-Петербургского учебного округа от 17 июня 1872 г.», «Инструкция инспекторам народных училищ, высочайше утверждается 29 октября 1871 г.», «Инструкция для 2-классных и одноклассных сельских училищ Министерства Народного Просвещения от 1 июня 1875 г.» и ряда других, доводилось до сведения «Положение о почетных блюстителях при аульных школах Тургайской области» [13, с. 2].

В «Положении» прописывалось, что при каждой аульной школе должен быть один почетный блюститель, который избирался учебным начальством с согласия местного общества или по указанию местной администрации «из лиц, пользующихся среди киргизов влиянием, почетом и доверием» [13, с. 2]. В компетенцию почетного блюстителя не входили полномочия по каким-либо распоряжениям, но предписывалось «следить за всем строем вверенного ему училища, оглашать инспектору народных школ те нужды, с которыми сталкивалось его училище. Почетный блюститель был обязан делать взносы, которые шли на улучшение учебной и хозяйственной составляющей школ. Попечитель должен был популяризировать необходимость школьного образования среди казахов, а также «располагать местные общества и частных лиц к постройке училищных зданий и доставке топлива», делая все для того, чтобы казахи способствовали постройке «ночлежных приютов» для тех детей, что проживали вдали от школы, на случай той же непогоды» [13, с. 2].

Труды почетных блюстителей не оставались без внимания – учебное начальство представляло их к наградам. Имена особо отличившихся становились достоянием общества. Так, например, в Циркуляре по Оренбургскому учебному округу в № 8 за 1897 г. благодарность объявлялась почетному блюстителю Уральского русского класса при медресе Муртазе Габайдуллину, киргизу Тугелю Дудирову – за постройку им «на собственный счет дома для помещения Соңалыкульской аульной школы, стоившего около 300 р. и за заботы об увеличении числа учащихся» [14, с. 306].

Это шло в русле «Правил», которые диктовали необходимость «располагать местные магометанские общества к учреждению на собственные средства классов русского языка при мектебе и медресе...» [15, с. 14]. Русские классы предписывалось посещать всем детям – мусульманам в обязательном порядке.

Обучение должно было вестись с использованием тех учебных пособий, которые рекомендовало Министерство народного просвещения. Инспектор начальных народных училищ осуществлял надзор за чисто мусульманскими учебными заведениями.

Их труд также не оставался неоцененным. В уже цитированном «Циркуляре по Оренбургскому учебному округу» объявлялась благодарность от имени Попечителя Оренбургского округа «по поводу благоприятных результатов, засвидетельствованных ре-

визовавшими учебные заведения» следующим инспекторам по Тургайской области – заведующим училищами двухклассными русско-киргизскими: Кустанайским – Лазареву, Актобинскому – Мартынову; Тургайскому – Григорьеву; женскими русско-киргизскими – Е. Турубчиновой и Кустанайским – Сибириной [14, с. 295].

Возвращаясь к «системе Ильминского» и ее внедрению в Оренбургском крае, отметим, что создателю системы было на кого опереться. Мы говорим о казахском просветителе Ибрае Алтынсарине (1841–1889). В пятилетнем возрасте Алтынсарина отдали на обучение в школу при Приграничной комиссии в Оренбурге. Школу Ибрай закончил в 1857 г. Работал писарем, «младшим толмачём» при оренбургском Областном правлении, затем был назначен учителем казахской школы в Оренбургском укреплении. С сентября 1879 г. Ибрай Алтынсарин становится инспектором киргизских школ Тургайской области, а с октября 1888 г. он уже инспектор школ. Встреча И. Алтынсарина и Н.И. Ильминского произошла в 1859 г. в Оренбурге. С этих пор дружба и сотрудничество между ними не прерывались.

Исполнить задуманное Н.И. Ильминскому помог именно И. Алтынсарин, создав «Киргизскую хрестоматию», которая была опубликована в 1879 г. Значение этой книги велико. Автор составил хрестоматию на казахском языке, используя русский алфавит. Это был первый опыт позиционирования казахского языка как языка самостоятельного. До этого письменное ведение велось на одном из вариантов татарского языка, использовалась арабская графика. Сам И. Алтынсарин считал, что создав «Хрестоматию», он внес посильную лепту на пользу своему народу, родине – «еще невежественной, но ... восприимчивой ко всему полезному» [16, с. 309].

Необходимость становления казахского языка как самостоятельного объяснялась тем, что татарский книжный язык с обилием арабско-персидских слов и выражений был малопонятен основной массе казахов. К тому же книги, ходившие в казахской среде, были исключительно религиозной тематики. Светскому образованию нужны были книги иного характера, и именно на казахском языке, исполненном русским алфавитом, дающим знания европейского уровня.

И. Алтынсарин считал, что Степи нужны школы, в которых детей вначале учат читать по-казахски, а уже потом по-русски. В этом случае выпускники таких школ, не отрываясь от своего этноса, в привычных условиях, усвоив два языка, основы арифметики, могли бы занимать управленческие должности, а также послужили бы делу сближения русского и казахского народов [16, с. 319].

При внедрении «системы Ильминского» нельзя было игнорировать исламский фактор, а именно преподавание основ ислама. Поскольку вопрос о муллах был сразу снят, необходим был компромисс. И он состоялся. В 1884 г. И. Алтынсарин издал учебное пособие «Шариаты ислам» («Мусульманский шариат»), по которому стали учиться в русско-казахских школах. Преподавать стали выпускники этих же школ.

Таким образом, в позднеимперской России складывалась концепция расширения «инородческого» образования через самих же просвещенных «инородцев». Постепенно стала формироваться прослойка, состоящая из казахов, которые, участвуя в деле

образовании и просвещения, были опорой правительству, приобщали представителей казахского этноса к расширению сети школ, были сами просветителями и учителями. Здесь обнаруживается двойственность концепции Н.И. Ильминского – желание сохранить языковые различия между народами, соседствующими в степи, при этом создать местные образованные кадры, но одновременно поставить препоны для предотвращения «излишнего» образования тех же учителей. Создание национальной интеллигенции не входило в планы Империи, но она последовательно способствовала этому. У Ильминского прозвучала мысль о том, что обучение казахов должно происходить на их же родном языке, язык должен быть не книжным, не искусственно созданным, а народным. Учитель же «...непреренно должен быть соплеменником своих учеников, т.е. инородцем же» (цит. по: [17, с. 119]). В русско-киргизских школах предписывалось вести обучение на «чисто киргизском языке, без всякой татарской примеси», учить по правильным книгам. Этим выбивалась почва из-под ног «киргизских грамотеев» с их «татаро-мусульманским» образованием. От учителя требовалось, чтобы тот был «природным киргизом», развитым, талантливым, «вполне сохранившим народное чутье и понимающий народный дух». Такими были как сам И. Алтынсарин, так и его ученики, которых с полной уверенностью можно причислить к казахской интеллигенции.

Исследуя процессы, происходившие в Российской империи в 1850-е – 1870-е гг., можно отметить, что задачи интеграционного характера привели правительство к разработке стратегии инкорпорирования казахского этноса в имперское пространство, в том числе и с помощью просвещения и образования. Процесс создания школ для «инородцев» подспудно вел к появлению казахской интеллигенции, что в дальнейшем обострило национальное казахское движение внутри Российской империи. Таким образом, имперская политика аккультурации, решая сложнейшие задачи формирования лояльных подданных в нерусском культурном пространстве, имела в качестве неожиданного для властей следствия возникновение группы лиц, осознанно препятствовавших аккультурационным процессам на территории расселения казахского этноса.

Список литературы:

1. Статистический справочник. Население и землевладение России по губернии и сравнительные данные по некоторым европейским государствам. Вып. 1. СПб.: Типография Н.П. Собко, 1906. 98 с.
2. Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Т. XIX. Туркестанский край. СПб., 1913. 313 с.
3. Первая всеобщая перепись Российской империи 1897 г. Т. XXXVIII. Уральская область. СПб.: Типография Сената, 1904. 870 с.
4. Стурова М.В. Система начального школьного образования в Степном крае во второй половине XIX – начале XX века: этноконфессиональный аспект: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2017. 28 с.
5. Лысенко Ю.А. Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи: концептуальные основы и механизмы реализации (XIX – начало XX в.): монография. Барнаул: Издательство Алтайского университета, 2014. 408 с.

6. Зевако Ю.В. Технологии конструирования политической идентичности в полиэтнической среде Российской империи // Известия Саратовского университета. Сер. Социология, политология. 2012. Т. 12, вып. 1. С. 113–118.

7. Положение об управлении областей Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской. Верный: Типография губернского правления, 1895.

8. Свод главнейших законоположений и распоряжений о начальных народных училищах и учительских семинариях. Ч. 2. СПб.: Типография Сената, 1886. 561 с.

9. Богуславский М.В. Реформы российского образования в России // Вопросы образования. 2006. № 3. С. 5–21.

10. Центральная Азия в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 602 с.

11. Ильминский Н.И. Воспоминания об И.А. Алтынсарине. Казань: Казанская губернская типография, 1891. 202 с.

12. Стурова М.В. Образовательная среда на территории Акмолинской и Семипалатинской областей (50-е – 80-е гг. XIX в.) // Известия Алтайского государственного ун-та. Серия: История, политология. 2013. № 4/2 (80). С. 21–25.

13. Положение о почетных блюстителях при аульных школах Тургайской области // Тургайская газета. 1896. № 79. С. 2.

14. Циркуляр по Оренбургскому учебному округу № 8 за 1897 г. // Циркуляры по Оренбургскому учебному округу. 1897. № 1. С. 295–306.

15. Инородческие и иноверческие училища. Систематический свод законов / сост. Г. Фальборк, В. Чернокуский. СПб.: Право, 1902. 312 с.

16. Алтынсарин И. Записки о киргизских волостных школах // Собрание сочинений: в 3 т. Т. 2. Алма-Ата: Государственное издательство Казахской ССР, 1975. С. 305–347.

17. Косач Г. Ибрагим Алтынсарин: человек в потоке времени // Вестник Евразии. 1998. № 1–2. С. 118–127.

EDUCATIONAL POLICY OF THE RUSSIAN EMPIRE AND KAZAKH INTELLIGENTSIA FORMATION ON THE ORENBURG KRAI TERRITORY IN THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY

© 2018

Lyubichankovskiy Sergey Valentinovich, doctor of historical sciences, professor,
head of History of Russia Department
Orenburg State Pedagogical University (Orenburg, Russian Federation)

Abstract. The paper analyzes the changes that occurred in the second half of the XIX century on the territory of the Orenburg Region in relation to the education system in the Kazakh environment. The role of these changes is shown both for the implementation of the imperial policy of acculturation, and for the formation of the Kazakh intelligentsia. The author examined the formation of the Kazakh intelligentsia on the territory of the Orenburg Region as a result of the Kazakh ethnos westernization under the influence of Russian-secular education and public education in this region. It is concluded that with the establishment of the Special Committee for Foreign Education (1866) under the administration of the Kazan Academic District, the Empire took a course toward Russification, which can be interpreted as restricting the cultural identity of the ethnic region and enhancing the use of the Russian language, literature, orthodoxy. The main emphasis was placed on education. The imperial authorities implemented the idea that a single and stable multinational state is possible only if there is a strong ideological base, based on the Russified system of public education. As a result, gradually in late imperial Russia there was a concept of expanding the «alien» education with the help of enlightened «aliens». Gradually a stratum began to form that consisted of Kazakhs who, participating in the cause of education and dedication, supported the government, introduced representatives of the Kazakh ethnos to the expansion of the network of schools, they were educators and teachers. The process of creating schools for «aliens» implicitly led to the emergence of the Kazakh intelligentsia, which further exacerbated the national Kazakh movement within the Russian Empire.

Keywords: Orenburg Region; Russian Empire; Kazakhs; intelligentsia; foreigners; Russian-foreign schools; regional administration; national policy; educational policy; education; post-reform Russia; late imperial Russia; westernization; ideology; Russification.

УДК 94 (47).08: [266.3:273.99] (470.56) (093.2)

DOI 10.24411/2309-4370-2018-14216

Статья поступила в редакцию 08.07.2018

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ МИССИОНЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ СРЕДИ СТАРООБРЯДЧЕСТВА ОРЕНБУРГСКОЙ ЕПАРХИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКОВ

© 2018

Камзина Алина Джанаровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России
Оренбургский государственный педагогический университет (г. Оренбург, Российская Федерация)

Аннотация. Рассматриваемый в данной статье исторический период является одним из важных периодов экономического, политического и духовного развития Российского государства. Оренбургский край на этом этапе представлял собой поликонфессиональный регион, где, несмотря на ведущую роль Русской православной церкви, распространение получили конфессии как нехристианского, так и христианского направления, в том числе разнообразные старообрядческие согласия и сектантство. В связи с этим особую актуальность Самарский научный вестник. 2018. Т. 7, № 4 (25)